

Александр ЛОЗОВОЙ

БОГ ПЕРЕКРЕСТНЫХ ДОРОГ

(сатирический роман о 1950—1970-х годах)

Главы из романа

КАТЯ — КАТАФАЛК

В Москве Сева с матерью остановились у Аркадия в районе Преображенской площади. Сева пошёл со своим направлением в Союзное министерство здравоохранения. Там ему без проволочек выделили место в лечебнице и дали направление. Так как Москва являлась столицей союзного государства, то приезжавшим из республик было предпочтение. Жителю самой столицы, нужно было месяцами хлопотать, чтобы попасть в эту лечебницу.

Перед тем, как ложиться в больницу, Сева решил немного обжиться в столице.

Аркадий рассказал Севе, что в Москве, на улице Кузнецкий мост функционирует студия наброска. Это выставочный зал, но по понедельникам, когда выходной, там собираются художники. Это те члены союза художников, которые не имеют собственных мастерских, и у которых нет средств, чтобы нанять натурщицу. В союзе художников, как впрочем, и во всех других демократических объединениях и обществах, существует своя дискриминация. Некоторые члены этого союза имели заказы на баснословные суммы и решили отчасти убла-

жить своих малоимущих коллег и оплачивали им натурщиц и предоставляли помещение. Это, правда, делалось не из личного кармана, а из средств творческого союза. Аркадий убеждал Севу, что каждый художник, хотя бы раз в жизни должен, обязан нарисовать обнажённую: «Я сам уже отрисовался, но тебя туда отведу» Сева никогда в жизни не видевший обнажённой женщины всё-таки решился под нажимом Аркадия пойти в студию.

Он взял акварельные краски, бумагу и баночку для воды, которую наполнил в туалете выставочного зала. Они пришли с опозданием — был перерыв. В зале было уже человек сорок художников разных возрастов, перед которыми лежали их рисунки карандашом и углем обнажённой женщины. Все рисунки были по манере как один: тушёвка, более или менее правильные пропорции, только ракурс немного отличался. Эти художники уже где-то учились, что-то закончили, и рисовали под одну гребёнку. Курировал эти занятия Станислав. Он был приятель Аркадия и уже довольно известный художник. Переехал в Москву из Кропоткина, города, что при станции Кавказской. По приезду у него образовался, как и, впрочем, почти у всех переселившихся в Москву, феномен Д'Артаньяна (Герой произведения Дюма (отца) «Три — четыре мушкетёра», ред.).

Уехав из захудалой французской провинции среди отрогов Пиренейских гор, в которой говорили на гасконо — каталонском языке, Д'Артаньян, попав в Париж, решил его покорить. Многие в нашей стране приезжали в Москву из мест ещё похуже, чем Гаскония, но достигали гораздо большего. Так во всем партийном руководстве Советского Союза, в так называемом политбюро, начиная с 1917 года, кроме Бухарина никогда не было ни одного москвича.

Члены союза художников регулярно выезжали в специальные дома творчества и там им бесплатно предоставлялись все условия для работы. Но художники в основном пьянствовали, и проводили время в дружеских беседах. Станислав оказался не таковым. Он занял мастерскую на первом этаже и начал упорно работать. Вскоре на него стали косо посматривать другие художники, так как он не принимал участия в общем веселье,

и уединялся в мастерской, видимо, неспроста. Чтобы не вызывать зависти у коллег, Станислав повесил на дверях мастерской амбарный замок, чтобы было всем ясно, что его в мастерской нет, а сам залезал через окно и продолжал усиленно работать. Зависть художников к Станиславу не возникала. «И мы не работаем, и он куда-то ушёл. Тоже пьянствует, но скрытно. Не хочет у нас на глазах», — к такому заключению пришли коллеги.

У художников зависть принципиально отличается от остальных людей. Если обыкновенный человек завидует, то это выражается в его беспомощности получать блага от жизни, как никто другой. Зависть у художника — это получить такие же блага, но притом, чтобы другой имеющий этот статус его бы лишился. Своим трудолюбием и, главное, бесконфликтностью, Станислав достиг успеха и признания.

— Да, действительно, голую рисуют, — убедился Сева. На небольшом подиуме, в халате, на стуле сидела девушка. «Однако она из себя представляет нечто, можно было бы её пописать, но не в такой толпе», — Аркадий профессионально представил её фигуру без халата и, оставив Севу, ушёл.

Сева устроился впереди всех на полу у самого подиума и стал разводить краски. Для натурщицы и остальных художников это было в диковинку. Никто из них не приходил с красками, в лучшем случае с сепией.

Девушка сбросила халат прямо чуть ли не на Севины краски, встала в заученную позу и с любопытством стала смотреть на него. Сева с трудом поднял на неё глаза, и у него возникло чувство, что это не она — незнакомая, раздетая девка стояла перед ним, а он был голый перед её глазами. Натурщица продолжала пристально следить за тем, что Сева собирается делать. Севе же казалось, что она только и ждёт, когда он поднимет на неё свои бесстыжие глаза.

Он успел заметить, что на голове у девушки волосы чёрные, а на теле — рыжие. Это не вызвало удивления у Севы, так как он видел на животных, в частности, на кошках, разные цвета на частях тела, а про обнажённых женщин понятия не имел. Сева сделал кистью два пятна на листе бумаги: повыше чёрное,

а пониже — оранжевое, и уже нисколько не сомневался в нелепости своего прихода в студию. Наконец, Сева опять поднял глаза. Девушка в упор смотрела на него и у неё были глаза воровки. Ещё у девушки были курчавые волосы. У Севы было предубеждение, что женщины с вьющимися волосами — коварны. Хотя натурщица свои волосы завивала.

Глаза воровки не встречаются у народности чуди — белоглазой и у раскосых народов. У чуди — белоглазой, прежде всего, обращают на себя внимание, бельма глаз.

Глаза воровки — это не маленькие бегающие плутоватые зрачки. Глаза воровки могут быть только тёмного цвета, и они нагло смотрят в лицо собеседнику. Характерной особенностью этих глаз является то, что нижнее веко чуть припущено, и белки глаз одновременно видны и сверху и снизу. Верхние веки на таких глазах большие, и сами глаза крупные. В нашем городе многие знали про существование таких глаз, и женщин, обладательниц их, называли «воровайка». Такие глаза появляются у человека с детства, однако, это не означает, что люди с другими глазами чисты на руку. К мужчинам, с такими глазами, эта характеристика не подходит. «Глаза воровки» — чисто женское явление. Следует оговориться, что не все с глазами воровки, обязательно, должны в жизни, что-нибудь обязательно украсть. Очень редко с такими глазами бывают и честные женщины. Девушка в упор всё ещё продолжала смотреть на него. В такой волнительной и напряжённой ситуации Сева работать больше не мог, и он мгновенно собрал свои манатки и ушёл. Для себя он решил: «Пусть считается, что я уже рисовал обнажённую натуру». Больше в своей жизни Сева ню никогда не писал. Эта натурщица имела прозвище Катя-Мопс.

Есть физиономии некоторых людей, напоминающие собачьи, и у собак морды, похожи на лица. Кто имеет собачьи морды, правда, склонны считать, что собаки более сходны с людьми характером.

У профессиональной натурщицы Кати кончик носа был чуть приподнят, и за ней закрепилось прозвище Мопс. Катя знала об этом прозвище и так как мопсы в основном, за редким исключением, имеют светлую окраску, одевалась в противоположное — во всё тёмное. Она счи-

гала, что так меньше будет ассоциироваться с мопсом. Как-то она позировала очень известному художнику, старше её лет на сорок, которого называла просто Яшей, и за которого намеревалась выйти замуж. Но прежде нужно было Яшу развести. Катя-Мопс считала это вполне справедливым, так как жена художника была старая, ворчливая, никогда нигде не работала, без зазрения совести тратила на себя немалые деньги, зарабатываемые мужем. «Только ходит, курит и харкает», — так характеризовала её Катя-Мопс и в своё оправдание считала, что влюблена в Яшу. Ко дню рождения Яшиной жены, Катя-Мопс купила в аптеке стеклянную карманную плевательницу и, послала поздравительную бандероль, указав вымышленный обратный адрес и фамилию. Во время отъезда Яшиной супруги, в их квартире Катя-Мопс подложила в комод среди женского нижнего белья свой бюстгальтер. Когда жена вернулась и обнаружила в своих вещах чужую интимную вещь, поднялся страшный скандал. Яша, естественно, никак не мог оправдаться и жена не могла придумать ничего умнее, как выставить художника жить в мастерскую.

Через какое-то время Яше нужно было ехать в Харьков получать выгодный заказ, и он взял с собой Катю-Мопса. Они выехали из Москвы в двухместном купе ночным поездом. По прибытии в Харьков художник оказался мёртвым. Чуть позже Катя-Мопс позировала одному известному пожилому академику живописи, и он пригласил её поехать с ним в Ленинград, тоже в двухместном купе. При подъезде к Ленинграду с ним тоже случился инфаркт, и он умер.

После второго случая Катю-Мопса художники переименовали в Катю-Катафалк.